

МЕСТОИМЕНΙΑ «ТЫ» И «ВЫ» В ИДИОЛЕКСИКОНЕ ВИРТУАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена исследованию механизма конструирования виртуальной языковой личности в рамках фатического взаимодействия на уровне лексикона. Изучая особенности функционирования личных местоимений в текстах языковой личности, скрывающейся под масками двух виртуальных персонажей, автор выявляет схожие черты их речевого поведения.

Ключевые слова: виртуальная языковая личность, фатическое общение, маска, речевое поведение, идиолексикон, личные местоимения.

Современная теория языковой личности основывается на идеях В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, А.А. Шахматова, связанных с представлением о том, что предметом лингвистики является человек во всем богатстве его качеств, свойств, а язык при этом рассматривается как «индивидуально-психическое образование», как свойство, делающее человека человеком. На основе этих идей формировалось понятие языковой личности, которое нашло отражение в трудах В.В. Виноградова. Языковая личность рассматривается им на основе произведенных ею текстов: «Индивидуальное словесное творчество в своей структуре включает ряды своеобразно слитых или дифференцированных социально-языковых контекстов, которые осложнены и деформированы специфическими личностными формами» [3, с. 62].

Идеи В.В. Виноградова были развиты Ю.Н. Карауловым, который понимает языковую личность как «личность, выраженную в текстах и через язык, реконструированную в основных своих чертах на базе языковых средств» [4, с. 38]. Теория языковой личности сосредоточивает различные аспекты антропоцентрической парадигмы, которые находят свое отражение в описании языковой личности как уровневой структуры, включающей лексикон (вербально-семантический уровень), тезаурус (когнитивный уровень) и прагматикон (мотивационно-прагматический уровень).

Сегодня ряд положений теории языковой личности остается дискуссионным и требует дальнейшей разработки и проверки на большом языковом материале: проблема путей и методов описания языковой личности в разных ее проявлениях, тип языкового материала, в котором языковая личность имеет свое непосред-

ственное воплощение, типология языковой личности и т.д. С появлением электронных коммуникаций связан рост исследовательского интереса к виртуальной личности как способу репрезентации «Я». Интернет порождает виртуальный мир, характеризующийся анонимностью (а значит, возможностью сменить свой статус), безопасностью, пространственно-временной неограниченностью, что обеспечивает своеобразную арену для «игр с идентичностью», экспериментирования с самопрезентацией. Особенности интернет-коммуникации определяют характерные черты виртуальной личности: редукция к семиотическим манифестациям – текстам, сокрытие реального имени, свобода наделять виртуальный персонаж любым набором характеристик, наконец, возможность иметь ряд различных виртуальных личностей одновременно или последовательно.

При интернет-общении коммуниканты ничего не знают друг о друге, кроме отрывочных субъективных представлений, полученных из сообщений. Виртуальный коммуникант – это не реальное лицо, а маска, в которую человек «вживается» до конца «представления». Феномен маски (фр. *masque* – личина, обличье) подробно рассмотрен в работе О.Ю. Осьмухиной с точки зрения психологического, социологического, семиотического и лингвистического подходов [6, с. 226–228]. Маска – особый защитный механизм личности, самоконструирующая поведенческая стратегия, направленная на поддержание другого «Я», вытекающая из желания создать ложное впечатление о себе или обрести анонимность. Надеть на себя маску – значит перевоплотиться, иметь неограниченные возможности как в выборе языковых средств, так и виртуальных собеседников.

В интернет-среде имеет место фатическое общение, трактуемое Б. Малиновским как разновидность речи, которая «отражает заложенное в самой природе человека стремление к созданию «уз общности» между людьми» [5, с. 78]. Фатическая коммуникация характеризуется тривиальностью тем, большим количеством речевых наполнителей, наличием постоянно воспроизводящихся клише. Фатическая речь включает сферу бытового диалогического общения, «пустую» болтовню, праздноречевые жанры, а также речевой этикет. Как отмечает Н.И. Формановская, роль фатического общения действительно велика: «с одной стороны, оно снимает стрессы, дает «поглаживания» (неинформативное, в общепринятом смысле этого слова, общение, настраивающее собеседников на акт коммуникации), с другой стороны, оно ритуально обозначает, что мы вступили в контакт и теперь можем побеседовать по существу» [9, с. 19]. Значимость изучения виртуальной языковой личности в контексте фатического взаимодействия определяется тем, что, по словам Н.И. Формановской, «именно фатическая речь выражает человека как языковую личность, хотя и в неофициальном, но творческом ракурсе» [9, с. 69].

Материалом нашего исследования служат комментарии двух виртуальных языковых личностей, «обитающих» на интернет-сайте СМИ2 – крупнейшей российской социальной новостной сети (www.smi2.ru). Выбор именно этих двух виртуальных персонажей в качестве объекта исследования обусловлен тем, что, по сведениям, предоставленным по договоренности с администрацией интернет-ресурса СМИ2, НИК1 и НИК2 (по этическим соображениям назовем их условно) – это интернет-ипостаси одной и той же реальной личности. Это обстоятельство определяет цель нашего исследования – изучение механизма конструирования виртуальной языковой личности в рамках фатического взаимодействия на уровне лексикона.

Индивидуальный лексикон, подобно любому другому лексикону, служит формой представления индивидуального образа мира, т.е. индивидуальной системы концептов, образов и т. д. В структуре языковой личности лексикон выступает средством языковой экспликации концептосферы субъекта, что определяет изучение специфики внутренней организации лек-

сикона приоритетным направлением нашего исследования. Хотя сам по себе словарь информанта как список слов, составляющих его дискурс, играет вспомогательную роль в воссоздании особенностей той или иной языковой личности, так как мало что может сказать о своем обладателе [4, с. 96], однако анализ отношений между его единицами открывает путь к исследованию структуры индивидуальной концептосферы. Так как, по утверждению Ю.Н. Караулова, лексикон организован «по сетевому принципу, т.е. основа его структуры задается ассоциативно-семантической сетью», для его характеристики существенны два параметра – состав и структура. По мнению Ю.Н. Караулова, воссоздание того и другого одновременно представляет собой определенные трудности, поэтому он предлагает строить ассоциативно-семантическую сеть двумя способами: на основе прямого ассоциативного эксперимента и по итогам анализа представительного массива произведенных личностью текстов [4, с. 101–104].

В то же время современные методики, в частности метод контент-анализа и последующая классификация данных частотного словаря, дают возможность реконструировать оба параметра – и состав, и структуру – индивидуального лексикона языковой личности. Важными параметрами контент-анализа, позволяющими делать те или иные выводы, являются количественные характеристики текста, частота появления исследуемых единиц. В настоящее время метод контент-анализа активно применяется в прикладной лингвистике, в частности в лингвополитологических исследованиях, посвященных реконструкции образа (картины) мира и принципов мышления известных общественных деятелей на материале их спонтанной (неподготовленной) речи (например, образы мира В. Путина и Г. Зюганова в статьях К.И. Белоусова и Н.Л. Зелянковой). Составление частотного словаря информанта и классификация наименований пространства, времени, людей, различных сфер и т.д. дают возможность выявить приоритетные смыслы образа мира посредством изучения количественных характеристик речи информанта [2].

Специфика предмета нашего исследования – лексикон виртуальной языковой личности – позволяет нам применить только метод изучения созданных этой личностью текстов. Для этого методом сплошной выборки нами

были отобраны комментарии НИК1 в объеме 680 текстов, т.е. каждый 13-й из 8844 его комментариев (113 тыс. знаков), и все комментарии НИК2 в объеме 460 текстов (70 тыс. знаков). С помощью метода контент-анализа был составлен частотный словарь каждого информанта. Лексикон информанта НИК1 представлен 7303 словоупотреблениями, НИК2 – 4507.

Следующий этап нашего исследования – первичная классификация частотного словаря, в основу которой положен подход, предлагаемый авторами «Русского семантического словаря». Весь словарный состав языка членится на четыре основных макрокласса: 1) слова указующие; 2) слова именующие, или слова, «за лексическими значениями которых стоит понятие о предмете, признаке, состоянии или процессе»; 3) слова собственно связующие и 4) слова собственно квалифицирующие [8, с. 8–10]. Основу индивидуального лексикона составляют лексические единицы, относящиеся к первым двум классификационным рубрикам, также привлекается к анализу и группа слов собственно квалифицирующих – модальные слова. Вторичной – семантико-тематической – классификации были подвергнуты лексико-грамматические макроклассы: «Слова указующие», «Слова, именующие предмет: все живое, вещь, явление» и «Слова, именующие признак процессуальный».

Целесообразность рассмотрения «слов указующих» в качестве самостоятельного фрагмента индивидуального лексикона определяется той особой ролью, которую они играют в процессе познания человеком окружающего мира. Местоименное слово, по замечанию Н.Ю. Шведовой, является единицей двусторонней, полифункциональной, поскольку оно одновременно обращено «как в область высших абстракций, так и в мир бесчисленных языковых сущностей» и в силу этого способно не только обозначить «глобальные понятия физического и духовного мира», но и отразить уровень их «познанности» субъектом» [10, с. 51]. При этом особенность «предельно абстрактной семантики» местоимений заключается в том, что она конкретизируется в результате сложного взаимодействия явлений разных уровней – непосредственного речевого контекста употребления, коммуникативной характеристики речевой ситуации в целом и статуса ее участников, а также механизмов его референции, которые Е.В. Па-

дучевой понимаются как «механизмы, позволяющие связывать речевые сообщения и их компоненты с внеязыковыми объектами, ситуациями, событиями, фактами, положениями дел в реальном мире» [7, с. 34].

Хотя дейксис организован по основным трем осям: субъект, место и время, – мы ограничимся категорией субъектного дейксиса (person deixis) и рассмотрим роль личных местоимений ТЫ и ВЫ в лексиконе НИК1 и НИК2 как средства идентификации виртуальной языковой личности.

В русской лингвокультуре социально значимо различие обращений на ТЫ и на ВЫ, каждое из которых варьируется в зависимости от условий общения («ты» детское, «ты» отеческое, «ты» начальственное, «ты» дружеское и «ты» хамское). Ю.Д. Апресян обратил внимание на то, что общепринятое толкование ТЫ – «употребляется при обращении к близкому человеку или к какому-либо человеку при грубом, фамильярном обращении» – не дает достаточного представления о нормах его употребления в русском языке: есть случаи обычного использования ТЫ, которые не являются грубыми или фамильярными, но, напротив, узуальны и нормативны в русском языке.

Ю.Д. Апресян характеризует местоименный узус через понятие личной сферы говорящего, которая представляет собой относительно самостоятельный фрагмент наивной картины мира. В эту сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально: некоторые люди, плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы; дети и животные, боги. Личная сфера подвижна, она включает разное количество объектов в зависимости от ситуации. Таким образом, обращения на ТЫ удостоивается любой объект, который входит в личную сферу говорящего, а на ВЫ обращаются к тому, кто в эту сферу не входит [1, с. 644–645]. Понятие личной сферы говорящего позволяет очертить круг ситуаций обычного использования местоимения ТЫ, однако за ее пределами остаются случаи ТЫ-хамского, ТЫ с интенцией унижения или оскорбления.

Обратимся к исследованию особенностей употребления личных местоимений ТЫ и ВЫ в речевом поведении информантов НИК1 и НИК2. Под речевым поведением, вслед за Н.И.

Формановской, мы понимаем совокупность особенностей монологической речевой деятельности носителя языка, проявляющаяся в отборе и использовании определенных языковых единиц, синтаксических конструкций, способов построения высказывания и текста и т.д. [9, с. 69].

Первое, что обращает на себя внимание при сравнении употребления местоимений ТЫ и ВЫ в лексиконах НИК1 и НИК2, это зеркальный характер индексов частотности: если в лексиконе НИК1 доминирует ТЫ (432), то в лексиконе НИК2 доминирует ВЫ (230), и наоборот, одинаково низкой частотностью характеризуются ВЫ (56) у НИК1 и ТЫ (11) у НИК2.

В лексиконе НИК1 высокой частотностью отличается местоимение ТЫ (432) – 30% от числа всех местоимений. Частотность ТЫ особенно заметна при сопоставлении с частотностью ВЫ (ср.: ВЫ – 56 и ТЫ – 432). Употребительность ТЫ в речи информанта НИК1 объясняется, на наш взгляд, несколькими причинами. Во-первых, условия анонимности избавляют интернет-пользователей от необходимости учитывать возрастную и социальный статус собеседника, и местоимение ТЫ в таком случае вполне уместно, так как оно стирает разделяющую собеседников дистанцию, в отличие от русского «вежливого» ВЫ, функцией которого является как раз указание на эту дистанцию. Во-вторых, продолжительное общение НИК1 в СМИ2 обеспечило вхождение в его «личную сферу» многих собеседников, с которыми он общается по-приятельски, а значит, на ТЫ.

Анализ комментариев НИК1 показал, что местоимение ТЫ используется главным образом в нейтральном значении. Однако часто высказывания НИК1 носят иронично-фамильярный характер, и обращение на ТЫ в этой связи служит для выражения насмешки и показа своего превосходства над собеседником: *Ага. Ну ты полный кретинос. Кастий в Южной Африке! :)))* (орфография и пунктуация автора сохранены во всех примерах).

Достаточно часто встречаются комментарии, где НИК1 проявляет свое неуважительное и даже негативное отношение к собеседнику – в этом случае нарочитое «тыканье» демонстрирует желание НИК1 оскорбить и унижить адресата: *Ты её до конца досмотрел и дослушал. Сразу видно :)))))) Погляди народное мнение о твоей профессии? :)))) Погляди, из за таких как ты погибла принцесса Диана.*

Что касается употребления личного местоимения ВЫ как предлагаемой языком альтернативной формы обращений к собеседнику, то в лексиконе НИК1 относительная частотность ВЫ составляет 4% от числа употреблений всех личных местоимений (ср.: ТЫ – 30%). В примерах употребления ВЫ (56) прослеживаются следующие тенденции использования этого слова.

Во-первых, соблюдение этикета – обращение к собеседнику на ВЫ, что, несомненно, демонстрирует уважительное отношение говорящего к адресату. В тексте комментария НИК1 это личное местоимение начинается с прописной буквы: *Зачем написал? А Вы своё зачем? Мне моё наваяло написанное этим «типамаёром».*

Во-вторых, использование ВЫ диктуется необходимостью обращения к группе лиц, в этом случае оно используется в нейтральном значении, как в следующем примере: *А что вы обсуждаете? Я туда пошел, а там «Сервер не найден» :)))))) Эту заставку обсуждаете?*

В-третьих, в некоторых случаях НИК1 использует ВЫ в иронично-фамильярном контексте, в этой связи в его лексиконе значение ВЫ сближается со значением ТЫ и служит для выражения сарказма: *Да нет, дАрагуша. Вы в темноте ею так размахиваете, что она чаще молотит со звоном по Вашему верхнему чугунок :))))))* По-видимому, обращение на ВЫ несет очень большую смысловую нагрузку в речи НИК1. Как уже было отмечено, существующие в русском языке формы ТЫ и ВЫ, использованные в той или иной коммуникативной ситуации, сразу определяют дистанцию общения. Обращение на ТЫ, как правило, характеризует близкие отношения, на ВЫ – более формальные. Так в приведенном примере НИК1 обращается на ВЫ к собеседнику, которому он всегда говорил ТЫ. В сочетании с пренебрежительным «дАрагуша», интенсифицированным с помощью графического средства экспрессивности, а также оскорбительной метафорой «Вашему верхнему чугунок» этот прием (переход на ВЫ) резко меняет дистанцию между собеседниками, отдаляет их.

Наконец, местоимение ВЫ используется в негативном значении – в качестве средства указания на «массу», что стирает индивидуальные черты адресата и выражает таким образом пренебрежение говорящего. Обращения *папуасьё, патриотсы*, а также выделенное

ных персонажей НИК1 и НИК2, входит в арсенал основных способов конструирования виртуальной идентичности: стратегии общения, структура высказывания, лексические и грамматические особенности, невербальные средства общения. В ходе нашего исследования было выявлено, что, несмотря на диаметрально противоположные тенденции в коли-

чественном использовании информантами исследуемых местоимений, характер обращения НИК2 к собеседнику обнаруживает сходные черты с речевым поведением информанта НИК1. Сходство проявляется прежде всего в тактике применения ТЫ-уничижительного информантом НИК2 и ВЫ-фамильярно-ироничного, ВЫ-оскорбительного – НИК1.

27.04.2010

Список использованной литературы:

1. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т. II. – М.: Языки русской культуры, 1995. – С. 644–645.
2. Белоусов, К. И. Политика и образ мира: Владимир Путин / К. И. Белоусов, Н. Л. Зелянская // Политический маркетинг. – 2008. – №10. – С. 63-80.
3. Виноградов, В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 288 с.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Просвещение, 1987. – 264 с.
5. Малиновский, Б. Научная теория культуры / Б. Малиновский. – М.: ОГИ, 1999. – 208 с.
6. Осмухина, О. Ю. Маска / О. Ю. Осмухина // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – №2. – С. 226-228.
7. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. М.: Едиториал УРСС, 2002. 288 с.
8. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под. ред. Н.Ю. Шведовой. – Т. 1. – М., 2000.
9. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М.: Рус. яз., 2002. – 216 с.
10. Шведова, Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с.

Сведения об авторе:

Галинская Татьяна Николаевна, доцент кафедры теории и практики перевода
Оренбургского государственного университета, кандидат педагогических наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 4106, тел. (3532) 372437, e-mail: galinskaya@rambler.ru

Galinskaya T.N.

Pronouns formal «you» and informal you in ideolexical vocabulary of the virtual language of a personality
The article investigates the mechanism of constructing the virtual linguistic identity within phatic interaction at the level of vocabulary. In studying the features of personal pronouns in the text of a language personality behind the mask of the two virtual characters, the author reveals the similarities of their verbal behavior.

Key words: virtual linguistic identity, fatig conversation, mask, verbal behavior, ideolexical vocabulary, personal pronouns.

Bibliography:

1. Apresjan, Ju. D. Deixis in Vocabulary and Grammar and Naive Picture of the World // Apresjan Ju. D. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija. Izbrannye trudy. T. II. – М.: Jazyki russskoj kul'tury, 1995. – S. 644–645.
2. Belousov, K. I. Politics and Image of the World: Vladimir Putin / K. I. Belousov, N. L. Zeljanskaja // Politicheskij marketing. – 2008. – №10. – S. 63-80.
3. Vinogradov, V. V. Lexicology and Lexicography. Selected Works / V. V. Vinogradov. – М.: Nauka, 1977. – 288 s.
4. Karaulov, Ju. N. The Russian Language and the Language Personality / Ju. N. Karaulov. – М.: Prosveshchenie, 1987. – 264 s.
5. Malinovskij, B. The Scientific Theory of Culture / B. Malinovskij. – М.: OGI, 1999. – 208 s.
6. Os'muhina, O. Ju. The Mask / O. Ju. Os'muhina // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2007. – №2. – S. 226-228.
7. Paducheva, E. V. The Utterance and Its Relation to Reality / E. V. Paducheva. М.: Editorial URSS, 2002. 288 s.
8. The Semantic Dictionary of the Russian Language / pod. red. N. Ju. Shvedovoj. – T.1. – М., 2000.
9. Formanovskaja, N. I. The Speech Communication: Communicative and Pragmatic Approach / N. I. Formanovskaja. – М.: Rus. jaz., 2002. – 216 s.
10. Shvedova, N. Ju. The Pronoun and the Meaning. The Class of the Russian Pronouns and Meanings They Express / N. Ju. Shvedova. – М.: Azbukovnik, 1998. – 176 s.